

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ
ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственные редакторы
А. М. Грачева и А. д'Амелия

Санкт-Петербург – Салерно 2003

UNIVERSITÀ DEGLI STUDI DI SALERNO
DIPARTIMENTO DI STUDI LINGUISTICI E LETTERARI

ALEKSEJ REMIZOV
STUDI E MATERIALI INEDITI

a cura di
A. M. Gračeva e A. d'Amelia

Pietroburgo – Salerno 2003

COLLANA DI EUROPA ORIENTALIS

A CURA DI
MARIO CAPALDO E ANTONELLA D'AMELIA

Questo volume è stato pubblicato
con un contributo dell'Università di Salerno

Copyright © 2003 by Europa Orientalis - Puskinskij Dom
Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari – Università di Salerno
Finito di stampare presso Poligrafica Ruggiero, Avellino (marzo 2003)

А. Р.

(Дом, отмеченный войной)

1.

Париж. Отой, улица Буало. Новый послевоенный дом, отмеченный: на стене второго этажа около крайнего окна “печать гнева” – черная дыра разорвавшегося снаряда – квартира Ремизова.

Гроза прошла, сердце успокоилось.

Год за годом, дни за днями. И там где зияла чудовищная впадина, торчат тонкие прутьики, а в вечерний час длинный внимательный клюв и не гневом – забота и теплота жизни – гнездом умной птички отмечен дом.

Я расскажу об этой загадочной птичке. В холодные солнечные дни она слетает из гнезда к окну на подоконник и клювом старается приоткрыть окно – солнце греет и лепит, немудреная, она убеждена: источник тепла и света в комнате.

Если бы она знала, какой печалью покрыты для меня книги.

2.

В дом войти очень просто: летнее время дверь настежь. В сенях светло, незаметно по ковру прошьмьгнешь мимо консьержки к стеклянной двери и если помнить: 2 этаж, снаружи отмеченный птичкой, смело подымайтесь по лестнице! Темновато и ступеньки не по прямой, а вывертом, вернее будет держаться за перила. Этаж слева показан цифрой. Не заметите, как окажетесь: стою на площадке – четыре двери беспокоят консьержку – спросить – квартиранты не любят когда к ним зря ломятся с чужой фамилией. Да и не к чему надрывать с консьержкой, оглядитесь внимательно: * дверь направо с зеленой наклейкой.

Французы не объявляют, как не пишут на конверте адрес отправителя, стало быть, на это зеленое прямой путь без заворота.

Наклейка действительно не глазам показалась, а висит зеленая и надпись, но совсем ненашими буквами надпись, и довольно-таки, пальцами захватанная – любители трудились вникнуть в тайнопись.

* *Было*: попристальной.

Не без труда читаю – но это не имя, не фамилия, а головная армянская загадка: “висит зеленая и поет”. А ниже на белом лоскутке не хозяйской рукой по-французски: “прошу стучите” с припиской по-русски “тихо”.

Но ни кулачить под барабан, ни тихонечко мухой сесть и лапкой водить не требуется: дверь затворяется только на ночь – днем путь чист.*

3.

Длинный пустой коридор “трактирные обои” – цветы и за четверть века не выцвели, веселят стену. На вешалке слепая белая палка. От палки вверх и вниз на кнопках объявления: с кем и где и кто и куда повез – объявления за дверью на случай [если] наброжему и таскуну: не топчись под дверью, а входи – долго ждать не придется: хозяин редко покидает свой многолетний затвор – слепому без поводыря некуда.

Глаза перебежав по цветам вернутся к слепой белой палке – “поводырю” и вас потянет к себе раскрытая дверь в кухню. По кастрюлям вы сообразите, что попали в кухню. Под кастрюлями стол, два стула и табуретка троим место обеспечено. А запихнуться могут – да сколько, конечно, в неестественном со-стоянии [так! – А. Г.] четыре сжатými дверцами шкафа четыре плеча втиснулись в окно с непроницаемыми стеклами “катедраль” два рта можно расположить у раковины. Еще двух можно поставить в дверях: одной ногой в кухню, другая в коридоре. Кухня историческая, каких только гостей не вмещала в себя – вмещалось в этом углом пространстве. Писатели, художники, музыканты – французы и русские: [помяну покойников: Лев Шестов, И. А. Бунин, И. С. Шмелев, Е. И. Замятин]. По коридору направо комната на каштан. Каштан наглядно отмечает времена года зацветет белым цветом – весна; не белые весенние белые свечи [так! – А. Г.] – теплые снежные хлопья, как свечи – зима, увидите темную зелень – лето пришло, а золото – поздняя осень.

“Так по каштану, говорит Ремизов, я слепой не ошибусь веду круглый счет моих последних лет. С болью я расстаюсь и все хочу убедить себя, что по моей судьбе и по-другому никак. И мне надо все принять. Скручу себя еще туже. Зову в пустоту и сам же себе отвечаю и разве от этого моего хрипа я “поумнел”? Или – когда бы вся эта боль просверлила в моей твердой душе колодезь. Меня бьет жажда. Когда я еще видел, чтобы различать даже <?> самые строчки, мог играя – колдуя над словом, я мог выразить свое иступление, а теперь – ждать мне нечего”.

* После начата фраза: “По легким толчком дв<ери>”.

Каштановая комната С<ерафимы> П<авловны>, а теперь архив и книги, с которыми, несмотря ни на что я не расстанусь: Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой.

Под “образами” вдоль стены стол. Из собрания икон остался один “Покров” и нет бисерной стены¹ и только выцветшие синие обои – цвет пасмурного неба. Под “Покровом” в разноцветных папках рукописи – приготовленные к печати книги:

- 1) Иверень (1897-1904)
- 2) Петербургский буерак (1906-1918)²
(Шаляпин, Горький, Рыков<?>, Замятин)
- 3) Учитель музыки (стоглавая повесть)³
1923-1931, Париж
- 4) Плачущая канава⁴ (Петербургский роман, тема “Крестовых сестер”)
- 5) Россия в письменах II-ой том
Это все большие книги, а есть поменьше.
- 7) Пчела. Полевые цветы. Сборник легенд
- 8) Павлиновое перо. Нерусские сказки.⁵
- 9) Петр и Февронья. Григорий и Ксения.⁶ (Русские легенды).
- 10) Бова Королевич. Повесть.

¹ Имеется в виду коллекция бисерной изделий XIX в., принадлежавшая С. П. Ремизовой-Довгелло. После ее смерти Ремизов подарил ее дочери В. Л. Андреева – О. В. Карлайль.

² Отрывки из книги опубл. под загл.: “Встречи. Петербургский буерак” (Париж, 1981. 293 с). Полностью, в авторской редакции публ.: Ремизов А. М. Петербургский буерак. Подготовка текста и коммент. А. М. Грачевой / Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 10. М. 2002.

³ Впервые опубл.: Ремизов А. Учитель музыки. Каторжная идиллия. Подг. к печати, вступ. статья и примеч. Антонеллы д'Амелия. Paris, [1983]. 576 с.

⁴ В авторской редакции полный текст впервые опубл.: Ремизов А. М. Плачущая канава. Подготовка текста и коммент. А. М. Грачевой / Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 4. М. 2002, с. 283-454; 511-545.

⁵ Сборник легенд и сказок. Опубл.: Ремизов А. Павлиным пером. Публ. и коммент. Н. Ю. Грякаловой, СПб. 1994, с. 17-190.

⁶ Планировались к изданию отдельной книгой в изд. “Оплешник”. Издание не было осуществлено. Опубл.: Ремизов А. О Петре и Февронии Муромских, “Возрождение” (Париж) 1955. № 38. Февр., с. 30-43; Ремизов А. Григорий и Ксения, “Возрождение” 1958. № 73. Янв., с. 40-48.

- 11) Тристан и Исольда⁷
 11) [так! - А. Г.] Аполлон Тирский⁸
 12) Легенды о Соломоне⁹
 13) Вереница. Книга о детях.¹⁰
 14) Образы русской женщины. Сказки.
 15) "Пруд" – 3-я редакция¹¹

И еще стол небольшой посреди комнаты:

французские рукописи [переводы].

И зеркальный стеклянный шкаф.

20 толстых тетрадей: сны за 13 лет.¹²

Тут же 6 книг изд<ательства> Оплешник: 1) О двух зверях 2) Бесноватые 3) Мелюзина 4) Мышкина дудочка 5) Огонь вещей 6) Мартын Задека.¹³ "Если бы не было "Оплешника",¹⁴ – говорит Ремизов, – мое имя не существовало бы на книжном рынке. Я не "самоокупаем", издание и маленькой книги не пустяк, швырять деньги на подкрепление мышам, или какую надо высокую оценку моей посредственности, чтобы решиться на пуск мышепитание.

⁷ Опул.: Ремизов А. Тристан и Исольда. Бова Королевич. Париж 1957. 141 с.

⁸ На обороте последнего листа кн. "Бесноватые" среди запланированных в "Оплешнике" книг указаны "Аполлон Тирский и Царь Аггей. Из Римских деяний". Издание не было осуществлено. "Аполлон Тирский" впервые опул.: Аргус. 1917. № 5, с. 5-33.

⁹ Ремизов А. Круг счастья. Легенды о царе Соломоне. Париж 1957. 74 с.

¹⁰ Не опубликовано. Наборная рукопись книги, составленной из рассказов, публиковавшихся ранее, сохранилась в парижском архиве Ремизова.

¹¹ Опубликовано только предисловие к книге. См.: Ремизов А. Подорожие. Публ. А. М. Грачевой / Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 1. СПб. 2000, с. 505-507. Наборная рукопись книги, представляющая собой печатный текст издания (Пб. 1908) с многочисленной авторской правкой, сохранилась в парижском архиве Ремизова (Собр. Резниковых)

¹² Возможно, речь идет о рукописном источнике: Ремизов А. "Именинный графический полупряник Тырло. 550 снов. 22.XII.1933 – 8.XI.1937. (Первые 100 снов у Лифаря)". ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 46.

¹³ Имеются в виду изд.: Ремизов А. Мышкина дудочка. Париж 1953. 207 с.; Огонь вещей. Сны и предсонье. Париж 1954. 224 с.; Мартын Задека. Сонник. Париж 1954. 100 с

¹⁴ "Оплешник" (Париж) – некоммерческое издательство, основанное друзьями Ремизова для издания его книг в 1949-57 гг.

Самоотверженный „Оплешник“ выпускает* мои книги в количестве 300 (трехсот) экземпляров, мне давали на руки 100 (сотню) и я раздавал книги „на поминок“ – ведь это единственное, чем я могу выразить мою благодарность за доброе ко мне отношение. Мою благодарность – видел и вижу добра к себе и незаслуженно! –

200 на продажу. Из этих 200 (двухсот) 40 в Дом книги. Цена 300 новых франков. На большее я не могу рассчитывать теперь.

А бывает, как это случилось с „Мышкиной дудочкой“ – за год разошлось 16 экземпляров.

Самоотверженный „Оплешник“. И когда я подумаю, что было б без „Оплешника“: мои ненапечатанные книги = рукописи меня замучили б. Я готов отказаться от [вс]его, вытерпеть холод – книга для меня все”.

* * *

Из рукописной каштановой дверь в „караульную“. Дверь заставлена полкой с книгами, с которыми я не расстанусь, несмотря ни на что.

В „караульную“ другая дверь из коридора. Когда-то необитаемая – сырая стена, течет постоянно, под жилье не годится. В окно глядит все тот же каштан. Со двора „пубели“,¹⁵ одно лето и зиму жили коты, по вечерам, когда выносят ордюры, кошачьи хоры заглушают радио.

Куда делись коты, никто не знает, как до котов крысы.

Кровать покрытая брусничным вязаным одеялом к теплой стене и буфет к сырой, никакой посуды, и только овсянка, чай и сахар. В углу зеркалабельный шкаф – соблазн для караульчиков повертеться.

4.

Против „караульной“ дверь в „кукушкину“ – единственная комната на улице. В окно прямо в лицо серая мейеровская стена из „Идиота“ (комната Ипполита) под этой „неразрешимой“ стеной гараж. Летом на крыше рыжий дикий кот из Гофмана ему нет никакой стёны [так! - А. Г.] и никаких котов в сапогах, он и не глядя видит сквозь крышу хозяйские запасы и мышиный закуток, а летом под стеной на крыше лежит снег, как „в России“.

Если высунуться из окна перед глазами будет не серая стена, а зеленая живая – сад: когда-то клиника – последний прощальный час Равеля и Льва Шестова, потом в оккупацию госпиталь – памятный мне, в этом го-

* Было: печатает

¹⁵ Пубель – от фр. roubelle, мусорный ящик.

спитале померла С<ерафима> П<авловна>. По весне прилетают дрозды и до Петрова <дня> сад наперекос <?> певчей стене.

Улица не мотоциклетная, а в августе и совсем тихая. Когда бродячий [1 нрзб.] пиликал на скрипке свой чувствительный романс или с надсадом горе-певец – поскорее бы кончил! Когда редкий вечер жуткий вой резким рубом как ворвется в вечернее затишье: человек-собака вышел на прогулку: он не виноват, он не нарочно, в войну провел сутки засыпанный землей, но этот его лай пугает, когда и этот лай угомонится и гараж, перевздыхает вернувшимися усталыми автомобилями, в саду сторож ночи гукает филин – “пугач”.

“Взгляните сюда, – сказал Ремизов, показывая на госпитальный двор, – вы видите бетонную площадку, тут стоял дом, жили монашки “обслуживали” мертвецкую, мертвецкая вглубь под мейеровой стеной, дом, искалеченный бомбардировкой сломали и остался только фундамент – площадка. – Это так у меня сказало “бетонная”, а вернее было б: “колдовская”.

Помните ваш прошлогодний осенний отлет поздним вечером вы заглянули ко мне проститься вслед за вами я вышел на улицу и очутился на госпитальном дворе, но я стал на бетонную площадку, опустил руки, спался ладони и как колокольной веревкой кочнув несколько раз влево и вправо и обратно влево, без крыльев силою моего жаркого <?> вскрылившего желания поднялся с земли в ночь. И всю ночь на высоте 6000 метров я летел впереди меня [так! - А. Г.] по бурлящей черной воздушной волне вашего аэроплана.

Меня перекувыркивало, сшибало из стороны в сторону, но я глазами на огонек, вонзаясь как иглой, летел.

Стало светать. И когда мой путеводный огонек погас и в мыслях сказало “прилетели”, я разжал руки и меня сбросило на землю.

Я очнулся в Шотландии на скалистом берегу моря. Я выбросил из жестяного цилиндрического судка размер на 76 два ломтика говядины и две три картошки. Из “гамелка” (по-французски <1 нрзб.> – la gamelle¹⁶) выпали на камни вареные бараньи мозги”.

Прежде чем затворить окно стоит поближе взглянуть и на это чудесное превращение: справа на стене из черной дыры “печати гнева” торчат прутики – заботливое теплое гнездо, а вот и сама птичка.

– Это она выглянула на вас полюбоваться, – говорит Ремизов, любясь на своего гостя.

¹⁶ La gamelle (фр.) – солдатский котелок.

А до птички жил ящур. И близко я никогда не видел ящериц, – говорит Ремизов, – и никогда не трогал руками эти солнечные блестяшки. О их природе знаю ваших сказок – вашей глубочайшей памяти о том безвременном, когда хаосом носился Дух Божий как и на пляшущем море первая жизнь. С первыми лучами солнца возникла жизнь – “воронье царство”.

[STO (по набору STO)

четырехлапая змея ящера – молодая ящерица
мейерова стена]

Это было в то действительно варное лето, когда у одной благочестивой “девственницы” и мученицы в ее подвале на подоконнике вылутился из яйца цыпленок, о чем много тогда говорили, а сама “присноблагенная” служила молебн об “обновлении <1 нрзб.>”, а о не менее чудесном случае в “кукушкиной” мало кому стало известно, да и не поверили бы моему рассказу. Я получил небольшую посылку – с почты о<стро>ва Олерона от Pierre Boutain.

P.S. С чувствительной душой, расстроенный <?>, по набору “STO” он отправлен в Германию на работы, не пригодный к технике, его определили в женский еврейский лагерь рыть могилы – там пробыл он год, оттого верю в его стихах из стихов René Char¹⁷ и Henry Michaux¹⁸ стук и лязг костей и не смиренная гуль.

В “кукушкину” привела его моя вышедшая после “Освобождения” книга “Sentier vers l’invisible”.¹⁹ Русские не любопытны. И вовсе не потому, что “стесняются беспокоить”. А плохой “француз”, но так как Pierre – я все понимаю я могу писать понятно, Pierre мне напомнил Осипа Мандельштама: весь движущийся* и внезапный. В Париже он пробыл недолго, вернулся на остров. Только что помер его отец – нотариус в St-Denis и родственниками решено было приучать его к делу. Часто я получал от него письма и всегда стихи.

Я думал, что в посылке морские камушки или какие-нибудь особенные коряжковые серебряные устрицы, но открыв крышку – исскоча,

¹⁷ René Char (1907-1988) – французский поэт.

¹⁸ Henry Michaux (1899-1984) – бельгийский поэт и художник.

¹⁹ “Sentier vers l’invisible. Nouvelles”. Traduction et préface di Jean Chuzeville, Paris, Les éditions du chêne, 1945, 205 p.

* Было: обращающийся

Сказать такое о “кукушкиной” язык не поворачивался.

– Не бедой богатыми дарами богато украшена была жизнь писателя!

Мне по моему возрасту, – говорит Ремизов, – полагается государственная пенсия. Пенсия небольшая, все мои русские сверстники и помоложе меня получают, а мне отказали. Инспектор из мэрии, усевшись под сенью кукушки сказал не без удивления: “Какая ж вам пенсия!”

А старый парижский репортер, перевидавший на своем веку немало “кабинетов” просвещенных французских писателей зорким глазом скользнул по драгоценным камням моих цветных абстрактных коллажей, и вперся в веревки с талисманами и рыбьими костями – позвоночными, удивившими однажды тибетских лам, с восхищением воскликнул: Да ведь это дно морское!

Молодые репортеры, разделяя мнение своего опытного предшественника, добавляют: пыльновато.

И я думаю:

“Мои глаза запорошило, мой цвет моих стен темен, потускнел, морское дно затягивается песком и время становится короче – с каждым летом подходит срок куковать кукушке”.

6.

“Кукушкина” прокурена, запета, отчитана, измыслена и пронизана сновидениями: всякую ночь мне снится и поутру по свежей памяти я записываю сон.

Упражнение памяти и непрерывность письма.*

Со словарями на разрисованном столе – взглядевшись можно прочитать целую повесть это открыла Ремизову [Рубисова²¹ – Евреинова²² – Эльф]. Лежат альбомы с рисунками. То что пишется, сначала или одновременно рисуется.

Из последних альбомов, а возможно и заключительных (глаза не берут!) “Тристан и Исольда”, “Повесть о Бове Королевиче”.²³ Рисунки, как и все, свои, ремизовские. Не всякому глазу.

* Далее одна страница утрачена.

²¹ Рубисова Елена Федоровна (ремизовское прозвище – Эльф, 1897-1988) – художница, прозаик, искусствовед.

²² Евреинова-Кашина Анна Александровна (1899-1981) – прозаик, жена Н. Н. Евреинова, соседка Ремизова по дом 7 на улице Буало.

²³ Анализ альбома см. в кн.: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская литература, с. 234-236.

– Если бы я был музыкант, – говорит Ремизов, – я одновременно с рисунком и записью сочинял бы музыку то, что я увижу и выговариваю словом, а в душе поет.

– Если вы вздумаете и захотите о чем-нибудь написать, пишете без оглядки. Когда я слышу: “А где это напечатать?” – Я понимаю – из этого писателя путного ничего не выйдет. Для писателя одна корысть и другой не может быть – одно стремление – выразить изо всех своих сил захватившую его душу мысль и образ.

Удастся ли напечатать или понравится ли кому? – таких вопросов не может быть пока “совершается”, как выражался о своем Гоголь.

*

На альбомах всем в глаза “Золотая книга” – 6 карманных записных книжек, начата Александром Николаевичем Бенуа в 1951-м: имя, отчество, фамилия, число, месяц, год и картинка – автопортрет – как рука подпишется. Кого только тут нет – имена!

Много “птичек”, “корабликов”, “елочек” – сразу узнаешь писательниц; нежные руки, глазатая нога без туловища – ясно, балерина; лампа или пенснэ – ученый, а есть и подпись и под ней свирепый браунинг. “Не здороваясь”, – “ваше картдидантите!”²⁴ А я ему золотую книгу и пальцем показав правую страницу: подпишите и нарисуйте свой портрет. Неожиданность и лестное имя в “Золотой книге” покорно усадили его к столу, придерживая пояс, где револьвер, он принялся за работу. Впечатление от моей “Золотой книги” мне напомнило, как однажды, после обыска я предлагал жандармам выпить чаю моей заварки.

На том же разрисованном столе, где словари, альбомы и золотая книга, чтение за летние месяцы: осенью они перейдут на полку. Неостывшая память назовет Историю древней русской литературы Ю. Л. Сазоновой; Воспоминания сына Лескова о отце; воспоминания С. К. Маковского о встречах с И. Ф. Анненским и А. Добролюбовым; Донесения послов XVI-XVII веков; Кот Мур, Двойники, Повелитель блох Э. Т. А. Гофмана, История русской литературы XIX века; О Пушкине (Путешествия русских послов (редакция Д. С. Лихачева) <1 нрзб.>.²⁵

²⁴ “Carte d’identité” (фр.) - удостоверение личности.

²⁵ Среди перечисленных названий можно точно установить книги: 1) Сазонова Ю. Л. История русской литературы. Древний период. В 2-х тт. Нью-Йорк 1955. Т. 1, 414 с.; Т. 2, 414 с. 2) Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятям. М. 1954. 684 с. 3) Маковский С. К. Портреты современников. Нью-Йорк 1955. 414 с. 4) Путешествия русских послов XVI-

“История древней русской литературы” Ю. Л. Сазоновой – такой книгой можно приучить к чтению по истории русской литературы – книга для юношества. С Сазоновой и начались летние занятия: будет о чем вспоминать за зиму.

– Про себя скажу, – говорит Ремизов, – много мне было поучительного, какое исчерпывающее изложение литературы и русских сказок. Тут и сам Чижевский²⁶ не <1 нрзб.> изложение. Прочитай “Слово о полку Игореве”, советую. Я на всю жизнь полюбил это “Слово” – единственное произведение искусства. Ведь в нем <2 нрзб.> отрывки. * Сравнить можно только с катехизисом. Семен Афанасьевич Венгеров,²⁷ родной дядя Ю. Л. наградил бы племянницу ученой степенью: доктор изящной словесности. А Обезьянья Великая и Вольная палата – в академики.

Обезьянья Великая и Вольная Палата основана в 1907 году одновременно с выходом моей Посолони и Лимонаря. В прошлом году звание обезьяньего академика получил Игорь Чиннов²⁸ за обещание написать о Жан Поль Рихтере – в 40-х и 50-х годах известен в России, германский романтик, теперь ничего не помнят.²⁹

– Среди памятников древней русской литературы “Слово” стоит одиноко и по своему ладу и по своему искусному совершению. Ничего подобного не было в русской литературе и не с чем сравнивать.

Если “Слово” XII века, как могло получиться что века оставалось

XVII вв. Статейные списки. Подг. текстов и комментариев Я. С. Лурье и Р. Б. Мюллер. Л. 1954. 146 с. [В прилож.: Лихачев Д. С. Повести русских послов как памятник литературы, с. 319-146]. 5) Лекции по истории русской литературы XIX века [на переплете: История русской литературы XIX века]. Под ред. А. Н. Соколова. Б-п. 1. М. 1951. 265 с.

²⁶ Чижевский Дмитрий Иванович (1894-1977) – историк славянских литератур.

* Две строки написаны одна на другой.

²⁷ Венгеров Семен Афанасьевич (1855-1920) – историк русской литературы, библиограф, профессор.

²⁸ Чиннов Игорь Владимирович (1909-1996) – поэт. В 1945-1953 гг. жил в Париже, где, в частности, преподавал немецкий язык в русской гимназии. Постоянно встречался с Ремизовым (см.: Богословский Н. А. Чиннов И. В. / Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918-1940. М. 1997, с. 438).

²⁹ Жан Поль – псевдоним немецкого писателя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер (Richter 1763-1825). В России была известна “Антология из Жан-Поль Рихтера” (СПб. 1844), на которую дал рецензию В. Г. Белинский (см.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 8. М. 1955, с. 229-242).

оно без отклика и зазвучало только в XVI в. – отклик в “Задонщине”.³⁰ В образах “Задонщины” в первый раз отклик.

Как возможно. Чтобы Елифаний Премудрый (XIV – начало XV), современник Рублева, наш первый “словесник” (“летрист”), выдумавший для своего искусства термин “словоплетение”, не нашел в богатом книгохранилище Ростова или не обратил внимания на список “Слова”?

Для меня загадка.

На русский лад не оказалось слуха.

Склад ладов русский природный – движение сочетаний слов можно представить себе как клокочущий котел. В этой кипи, кто что расслышит, и все будет ладно, только б расслышать. Не глухое ухо оценит глупину лада.

Русские лады природной русской речи XVI-XVII в. – я говорю как это прозвучало в книгах – были залиты стрелецкой кровью и сожжены в срубках.

XVIII век – борьба за “подлое наречие”, но и русейшие Тредьяковский и Ломоносов пишут на латинско-церковной французско-немецкой тарбарской. Русская литературная проза начинается с XIX.*

В клокочущем речевом складе Карамзин подслушал дактилическое окончание фраз – гони местоимение и прилагательное на конец фразы. Так и заглавил свою историю: “История Государства Российского”. Карамзинский лад пришелся по русскому уху. Этот окончательный дактиль стал русским стилем. Автор “Слова” передал другие лады, прозвучали из глубины – среднему уху не взять. Русский лад “Слова” остался без подражаний.

Марлинский, слух его тоньше и разнообразнее, почувствовал “монотонию” карамзинского русского лада. Марлинский расслышал лады гоголевской глубины и как Гоголь остался одиноким в своем ритме. Если переводить на музыку, вслушайтесь: Чайковский и Мусоргский – воздушный “petit four”³¹ и из поддони жгучая лава.

Исток книжной русской речи Карамзин, много слов Гоголя, Марлинского с подболткой поверхностных харь иностранной речи.

Для перевода на иностранный язык особых трудностей не встретится.

³⁰ Размышления Ремизова основаны на подвергающей сомнению подлинность “Слова” книге: André Mazon. Le slovo d'Igor. Paris 1940. 182 p.

* Цифра процарапана пером без чернил.

³¹ “petit four” (фр.) – печенье.

– Надо писать так – переводу неподдавно, конечно, такое совершается неумышленно. Нельзя научиться говорить ко всем, а следовать движению природной русской речи – можно.

Как научить. Скажу по себе: ходить по словесной русской земле.

Рядом с учебником Сазоновой “Путешествия послов XV-XVII в.” Изд. Академии наук 1954 под редакцией Д. С. Лихачева. По своей слепоте я не читатель, я слушатель. Эту книгу нам “исполняла” С. Ю. Прегель, лучшая из моих чтецов.

К хождению по словесной русской земле и эта книга: Черных. Язык Уложения 1641 г. Изд.³²

“Синтаксис живого русского языка” для проверки.³³ Сколько поучительного нашли бы в этой книге наши критики и письменные, и устные. Книжный синтаксис искалечил душу природной речи.

Про себя скажу, сколько я принял упреков за мою <1 нрзб.>книжной мерке толоконных грамматиков.

– Я не собираюсь воскрешать никакие словесные века. Ни XI-й – русскую речь в староболгарском, ни XV – в сербском наряде, ни деловую дьяческую – XVI-XVII в. Я хочу, усвоив сложение русской природной речи, подслушав в сборе ладов русские ряды, по-своему складывать слова.

“Точность и краткость”. Пушкинское требование к прозе. И за Пушкиным вся история русской прозы: летопись – “Повесть временных лет”, Русская Правда,³⁴ переписка Посольского приказа – послы сносились речами, читали не по грамоте, а говорили на память.

“Всякое организованное словесное пространство” от “Слова о полку Игореве” до словоплетения Епифания Премудрого и от Епифания до Жития протопопа Аввакума, и от <1 нрзб.> Вечеров Гоголя и от Гоголя до <1 нрзб.> – ритмично. А говорить никак нельзя о какой-то ритмичной прозе, можно условно рифмичной мерой выделить стихи, но рифма не делает поэзию – языковой – вслушайтесь – язык суконный. Душевное движение, выраженное напоённым словом – поэзия.

Любовь и горечь – моя Мейерова Стена – залог поэзии.

И все это моя жалкая доля.

³² Черных П. Я. Язык Уложения 1649 г. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М. 1953. 375 с.

³³ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л. 1941. 620 с.

³⁴ Русская Правда – свод древнерусского права. Существует в списках XIII-XVIII вв.

И оставаясь сам собой погасшими глазами в Мейерову стену, каким бедняком я себя чувствую.

Когда-то в бедовую пору я всем говорил “не обращайтесь внимание”, а теперь я себе повторяю, “чтобы обратили <?>” – это круг моей жизни, я как будто разгребаю или отбрасываю себя, я жду какого-то решительного часа освобождения.

Силы небесные, за что вы оставили меня, на какое испытание?

*

Переводимо ли мое на французский?

Галлимар обещает выпустить весной 1956 мою книгу “Подстриженными глазами”.³⁵

Меня переводят с 1910 г. О мастерстве переводчиков я рассказываю в “Мышкиной дудочке” в рассказе “Вавилонское столпотворение”.³⁶ Конец для меня печальный: все известные переводчики отказались от меня, а был даже случай попытки самоубийства.

И только теперь мне повезло и мое русское зазвучало на такой чужой русскому латыни. Н. Резникова расплела и выразила мой ритм или вернее интонацию. Тоже могу сказать о О. Андреевой и Ариадне Сосинской – переводчице “Саввы Грудцына”.

В переводе сестер Черновых-Резниковой, Андреевой, Сосинской я слышу свой голос.³⁷

И что удивительно: русские, которые с раздражением говорят о моих книгах, терпеливо читают мое во французском переводе.

И я думаю, построение Вавилонской не так уж безнадежно. И мой камушек засветился и м[ожет] б[ыть] согреет чье-нибудь “измученное” сердце.

*

Чтение продолжает[ся]. На краю стола Андрей Лесков о Николае Семеновиче Лескове, 1955. Книгу Лескова можно поставить как том

³⁵ Речь идет о кн.: Remizov A. Les yeux tondus. Nouvelles. Trad. du russe par Nathalie Reznikoff. Préface de Marcel Arland. Paris, N.R. F. Gallimard, 1958. 280 p.

³⁶ См.: Ремизов А. Мышкина дудочка. Париж 1953, с. 189-196.

³⁷ Названы имена ближайших друзей и переводчиц Ремизова: Резникова Наталья Викторовна (1903-1992) - жена Д. Г. Резникова; Андреева Ольга Викторовна (1903-1979) - жена В. Л. Андреева; Сосинская Ариадна Викторовна (1908-1974) - жена Б. Б. Сосинского.

двадцать третий в ряд с Н. Барсуковым, Жизнь и труды М. П. Погодина.³⁸

– Книга документальная – история русской культуры. Для писателей поучительно – последние главки писал Лесков. А мне теперь особенно чувствительно: не разбирая, как могу я исправлять “вдоль и поперек”. Обычно я переписываю свою рукопись пять-шесть раз – диктовать я не могу: моя мысль живет и слова распускаются и цветут в молчании и тишине.

Памятные рассказы Лескова в форме сказа, начало Гоголя “Повесть о капитане Копейкине”: “Заячий ремиз”, “Очарованный странник”, “Запечатленный ангел” – повесть ведется от рассказчика. Эти рассказы можно перечитывать, никогда не поскучаешь. Но вы чувствуете в сказе “грамотную” руку Лескова. Лесков недооценивал синтаксис живой речи рассказчика. И длинноты, вычеркивая и перечеркивая, Лесков не дочеркнул. Его романы “Некуда” и “На ножах”. Свое лучшее заливал таким половодьем. Только терпением – выберешься до берегов! Общий грех! А чего наворотил Л. Н. Толстой в “Войне и мире” – одно рассуждение о <1 нрзб. W чего стоит?

А ведь у нас есть примеры как надо: Пушкин, Гоголь, и из второго ряда – Слепцов, Чехов.

А какую русскую крепь показал Лесков. Да и сам он был не мелкой млей. И как чудесны его праведники. В них завет каждому для нас – вспомните, разве в жизни среди червивого точащего подстава не встречали человеческое бескорыстие и в себе самом не шевельнулось ли у вас хоть однажды: “не для себя” даже вопреки вашему благополучию.

В Литературном Современнике 1954³⁹ рассказ “Суд Соломона” – о праведнике – сибирском судье – переключка с Лесковым.

Как я обрадовался!

Рядом с “Лесковым о Лескове” книга Ю. Елагина о Мейерхольде.⁴⁰ Читаю, как о самом себе: Мейерхольд пронес через всю свою жизнь мое “наперекор и выверт”. Не понимайте, как “озорство”, и это не надуманное “нарочно” – это “поступать по-своему” – толчок живой жизни. Если вы чувствуете в себе силу, если у вас есть голос сказать свое – ваш путь:

³⁸ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1-22. СПб. 1888-1910.

³⁹ Неточность Ремизова. Имеется виду: “Литературный современник”. Журнал литературы и критики (Мюнхен, 1951-1953). Главный редактор – В. Яковлев.

⁴⁰ Елагин Ю. Темный гений. Всеволод Мейерхольд. Нью-Йорк 1955. 413 с. При создании книги автор обращался к Ремизову и в дальнейшем использовал его воспоминания о годах знакомства с Мейерхольдом.

вы не покатитесь на подушках – нет, очертя голову вы, – пробираясь сквозь, вы исцарапаете себе руки и с переложенным хребтом выходите на свою дорогу.

Меня обвиняют*

“История” русской литературы девятнадцатого века и начало двадцатого, кончая 1917-м годом – какое кипение темных сил: в революцию – в 1917 году – я начал о “гибели русской земли” (“Взвихренную Русь”) да что же было мне с моим “наперекор”, неужели-то по-клюевски возгласить, спрятав под фуфайку крестильный крест: “Революцию и Матерь Света в песнях возвеличим!”⁴¹ И это также, как когда-то в Петербурге “Аполлоном” литература была провозглашена “прекрасной ясностью”, об этом в моем “Пляшущем демоне”.⁴² Я ответил моей прозой природной русской речи, в которой выхолощенной ясности не ночевало.

Говорю это о себе, нисколько не задирая нос и без всякой заносчивой мысли сравняться с моими недожизненными современниками, как Горький, Блок, Андрей Белый, Мейерхольд. Или старейшими, как Розанов. Я-то свое место определю лучше всякого историка. “Незадачливое беспокойство”, да, возможно, Иванов-Разумник прав: бескрылый или по Горькому: “рожденный ползать, летать не может”.⁴³

Но откуда, из каких истоков души моя любовь к Э. Т. А. Гофману. Я и вас оценил и принял верно и нераздельно, как из “другого” мира, из сновидений Гофмана.

*

Чтение Гофмана на прощанье – пора вам возвращаться в Америку да и замучил я вас книгами. Гофман будет вам да и мне воспоминанием о какой-то непохожей стране из сновиденья, где когда-то оба мы жили, да вы и сейчас – вы никогда [не покидали] этот чудесный край “воображения”: за это ручаются ваши сказки и ваша новая книга “Глобусный

* Предложение не закончено.

⁴¹ Травестийное использование богослужебного текста – возгласа дьякона на повечерии перед молитвой к Пресвятой Богородице (“Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим!”).

⁴² Речь идет о статье М. А. Кузмина “О прекрасной ясности. Заметки о прозе” (Аполлон 1910, № 1, с. 5-10), ставшей манифестом “кларизма” – “аполлонической” концепции искусства. См. об этом в посвященном Кузмину эссе: Ремизов А. Послушный самокей / Ремизов А. Пляшущий демон. Париж 1949, с. 42-51.

⁴³ Цитата из “Песни о Соколе” (1895) Максима Горького.

человечек”,⁴⁴ и мое впечатление, как вы входите в “кукушкину” и из первых ваших слов я узнаю интонацию того другого мира.

Много я вижу добра от людей и с благодарностью у меня выговаривается “незаслуженно”: кто сахару принесет, кто папирос, а в болезнь проведет бессонную ночь, карауля.

Меня всегда радует П. П. Сувчинский⁴⁵ – с ним в “кукушкину” входит музыка.

И вы – без которых самые жгучие воспоминания, те <?>, даже под знаком “чтобы только сниться”, как еда, сон, задушили бы меня.

Эти слова мои далеко не каждому по разумению: разве кто скажет “я не понимаю”, как и самое загадочное реникса, подведя под короткую мерку своей ограниченности.

Моя затея в 40-х годах русские переводы Гофмана. В России Гофмана после <1 нрзб.> потом – в 60-х годах Гофмана забыли, и не только у нас, во Франции, помяну двух, мне близких, кто ценил его: Бодлер и Нерваль.

Мне посчастливилось: оттого, что в русских библиотеках Гофмана не спрашивали, я достал

- 1) Двойники, Изд. Петрополис, 1923, перевод Вячеслава Иванова
- 2) Повелитель блох, Изд. Academia, 193...⁴⁶
- 3) Житейские воззрения кота Мура. Изд. Дешевая библиотека А. С. Суворина, 1888, перевод К. Д. Бальмонта и изд. Пантелеева, 1903, перевод Марьи Андреевны Бекетовой (вспоминаю: тетка А. А. Блока, печальная, черная палочка, молчаливая спутница вечеров Блока)

Все эти книги на краю стола после Лескова и Елагина.

⁴⁴ Кодрянская Н. Глобусный человечек. Париж 1954. 68 с. Книга создавалась при непосредственном участии А. Ремизова, который и послужил прототипом для образа сказочного “Глобусного человечка”. Последнее отражено в иллюстрациях Ф. Рожанковского, придавшего этому герою портретное сходство с писателем. Черты самой Кодрянской внесены в образ “девочки Дикси”, под этим прозвищем она фигурирует в переписке ближайших друзей Ремизова – семьи О. Е. Колбасиной-Черновой.

⁴⁵ Сувчинский (Шелига-Сувчинский) Петр Петрович (1892-1985) – музыковед, музыкальный и литературный критик, публицист, один из основателей евразийского движения. Один из близких друзей Ремизова, его консультант по истории древнерусского церковного пения.

⁴⁶ Гофман Э. Т. А. Повелитель блох. Пер. под ред. В. Гриба. М.-Л. 1937. 313 с.

Осенью все эти книги перейдут на полку, и к вашему приезду появятся другие, верю, они встретят вас раскрытыми, и Вы взглянете на них обрадованными глазами.

8.

Книги, стена цветных конструкций и в воздухе талисман – среди раковин московский калач – все вместе.

Ударив глаза, погружает на “дно морское”. И когда обживетесь, заметите и хозяина – занимает так мало места, закутан в разноцветные шкурки, всегда озябший. Сколько ему дать? – По его памяти, ты[ся]ча лет, а может, и с хвостиком.

Русские не любопытны, русский голос* редкий гость, а яснее – чужая речь.

Четырнадцатый год в затворе.

– В прошлом году меня выводили 9 раз, этим летом только раз – по левой стороне, не переходя улицу. Встречные шарахаются на мостовую, не крестясь и не отплевываясь – не духовное лицо, и не покойник. “Сумасшедшего водят, тихий!” – слышу добродушное вдогонку, “тихий!”

Еще раз, оглянув морское дно, прощаюсь, до радостного утра, верю, до весны.

– Прощайте!

* * *

*

А этого никто не видит. До ночи еще далеко, когда без проводника и слепой белой палки, я выйду на волю – улицы, здания сновидений и люди из всех миров без времени, без счета лет.

У стола над рукописью, как прежде, сидит он, вслух перетвердив слова, согнулся или перед окном глазами в Мейерову серую стену?

“Веселость меня покидает, вот это странно”.

16.VIII.1955.

* Было: слово.